

“Сибирский код”

Как он отражается на российской истории

Алексей ЛЕВЫКИН, директор Государственного исторического музея, приехал в Красноярск на открытие выставки «Великая Сибирь. Веки истории», составленной из фондов ГИМа.

Талант сохранять

– В чем выражается талант художника, ученого, актера – понятие. Как распознать талант музейщика?

– Вообще музейщик – понятие достаточно уникальное. Их не готовят ни в одном вузе, училище, школе, такой специалист может появиться, только работая в музее. Главное умение музейного работника – это умение сохранять; есть искусство сохранения, и нужно время, чтобы ему научиться. Направленность на то, чтобы сберечь для потомков накопленные поколениями – и не только твоей родной нации, но и мирового сообщества, – это главная отличительная черта настоящего музейщика. Когда это есть, все остальное уходит на второй план.

– Талант можно увидеть в молодом человеке, который только пришел работать в музей?

– Да, иногда это видно, даже, например, в том, как он берет экспонат руками, – старые музейщики обращают на это внимание. Когда я только пришел на работу – а свою профессиональную деятельность я начал в Оружейной палате Московского Кремля, – действовали жесткие ограничения. Например, сотрудники не имели права носить ювелирные украшения, потому что украшения их окружали. И женщины на это шли...

– Это – жертва.

– Да, жертва. Музейным работникам нельзя было заниматься коллекционированием. Я и сейчас с этим запретом согласен. Потому что все свое желание собирать, коллекционировать ты должен реализовывать на работе, в музейных коллекциях, а не в своих собственных.

– Примерно так же в старой Академии живописи без разговоров отчисляли студентов, если узнавали, что те подрабатывают рисованием карикатур, – считалось, что это профессионально развращает и руку портит...

– Вероятно, так и было. В любом случае необходимы жесткие правила. Нужно постоянно учиться. Мне сложно понять, как на каких-нибудь курсах повышения квалификации можно научить музейщика. Каждый музей особенный, везде свои условия, проблемы, свои коллекции – и ты всегда находишься в некоем особом мире.

Иерархия

– В Красноярске, как в любом региональном центре, есть краеведческий музей, который, как и все музеи такого рода, призван дать по возможности полное представление об истории, природе, этнографии региона. Государственный исторический музей должен делать то же самое – может, за вычетом экологической темы – во всероссийском масштабе.

– Совершенно верно, должен.

– Вообще существует, на ваш взгляд, иерархия музеев?

– Существует. Место музея в этой иерархии определяется уровнем коллекции и задачами, которые перед ним поставлены, а они могут изменяться. Например, отцы-основатели Исторического музея изначально не ставили перед собой цель показать историю цивилизаций, существовавших на территории Российской империи. В то время уже существовал Государственный Эрмитаж как имперское собрание, была Оружейная палата как коллекция древно-

стей Российского государства. Забелин (Иван Егорович Забелин – инициатор создания Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III – будущего ГИМа. – «НКК») хотел показать собрание иного срез – музей истории нации. В нем должны быть собраны предметы, которые, может, и являлись принадлежностью царей, императоров, но рассказывают о народе. То есть это прежде всего музей народа. А уже потом, когда коллекции расширились, он превратился в музей истории цивилизаций на территории Российской империи, музей одной шестой части суши.

– Теперь, увы, одной седьмой...

– Нет – одной шестой. Потому что у нас есть потрясающие коллекции, рассказывающие об истории Украины, Белоруссии, стран Прибалтики, Закавказья, Средней Азии. Мы продолжаем выполнять эту функцию, и порой наши собрания более мощные, чем в национальных музеях этих стран. Если поставить себе задачу сделать выставку, посвященную, например, Кавказу или Украине, без собраний Исторического музея не обойтись.

Взгляды и споры

– Споры ведутся в основном вокруг различных исторических концепций, попросту истории написанной. На музейном деле эти дискуссии как-то отражаются?

– Обязательно, потому что музей, и особенно такой, как ГИМ, не существуют в отрыве от общего уровня исторических знаний, а эти знания меняются – как, впрочем, в любой науке. Мы же не спорим с тем, что меняются трактовки физических или химических процессов. Так же и в истории. Но поскольку

– Музейным работникам нельзя было заниматься коллекционированием. Я и сейчас с этим запретом согласен. Потому что все свое желание собирать, коллекционировать ты должен реализовывать на работе

мы не можем создать новое «Слово о полку Игореве» или Лаврентьевскую летопись, уровень нашего исторического познания отличается не новыми технологиями, а тщательностью оценки материала, сопоставления его с событиями, происходившими в других странах мира. То, что меняются наши оценки событий, происходивших сто или двести лет назад, это совершенно объективная ситуация. Мы освобождаемся от каких-то мифологем. Сейчас многие сосредоточены на истории XX века, что понятно, она нам близка, но давайте посмотрим на события более ранние, скажем, Наполеоновские войны. Взгляды на Отечественную войну 1812 года сформировались в XIX веке, продолжали существовать в советскую эпоху и казались неизменными, особенно в оценке той или иной личности. Возьмите оценку Барклая де Толли – иностранец, все время отступал... Но есть другой, нынешний взгляд: Барклай, фактически министр обороны, правильно оценил ситуацию, события, которые происходили накануне войны – здесь прекрасно поработала русская военная разведка, – и в итоге план войны был готов еще до 1812 года.

– И была очень логичная передача командования Кутузову...

– В какой-то степени да. Кстати, обратите внимание – когда Михаил Илларионович подошел к закату своей жизни, то стал главнокомандующим русской армией? Снова Барклай де Толли.

– Дискуссии вызвала ваша выставка, посвященная 400-летию Дома Романовых, – говорили чуть ли не о возрождении имперского духа. Это из той же сферы идеологических перемен?

– Выставка была, я бы сказал, классическая. Да, новые условия жизни, совершенно новая идеология – более свободная в отношении к истории – все это

стvom информационного ресурса – побочным, пояснительным материалом, фотографиями. Есть возможность расширенного показа коллекции, когда демонстрируется один яркий предмет, а остальное в сопровождающем материале. Все это дает неограниченные возможности. А что касается того, как меняются наши представления о прошлом, то откройте школьный учебник... Там вы найдете достаточно информации, например, о призвании варягов, и она действительно изложена на уровне пятиклассника, потому что если обрушить на него весь материал по этой теме, он ничего не поймет. Я прекрасно знаю, сколько споров было и происходит сейчас о нюансах этого вопроса – кто призвал, когда, при каких условиях это происходило, какие личности там исторические, а какие – миф... То есть позиций здесь огромное количество, и споров соответственно. Это, кстати, к вопросу о едином учебнике. В истории нашего государства, да и любого другого, не существует тем, которые разрешаются однозначно. Всегда есть целый ряд подходов, и очень большая сложность что-то выбрать на определенном этапе, ту стратегическую линию, которая давала бы человеку основу знаний, чтобы потом дать ему возможность самостоятельно, на уровне любительства или же профессии, определить свою позицию по тому или иному вопросу истории.

Идеология истории

– В одном из интервью вы сказали: «Идеология присутствует в любой выставке, если ее нет... это будет совершенно неинтересно, пресно». У выставки «Великая Сибирь» – какая идеология?

– Сейчас мне ее сложно сформулировать, потому что эта выставка многоаспектная. Смотрите на название: авторы концепции всегда стремятся указать в нем определенную точку зрения. Великая Сибирь... Здесь действительно хотелось бы показать при помощи раритетов, подчас чудом сохранившихся, ту роль, которую играла Сибирь в истории Российского государства, – сначала как невведомая земля, которая манит к себе русских людей своим величием и богатством, потом – необходимость познания

ДОСЬЕ

Алексей Константинович ЛЕВЫКИН

Родился 7 сентября 1959 года. Его отец – Константин Григорьевич Левыкин, заслуженный профессор МГУ, был директором Исторического музея в 1976–1992 годах. С середины 1980-х годов Алексей Левыкин работает в музее Московского Кремля. В 2001 году был назначен научным руководителем ФГУ «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». В июне 2010-го возглавил Государственный исторический музей. Алексей Левыкин – кандидат исторических наук, председатель ученого совета Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль». Входит в состав Геральдического совета при президенте РФ. Женат, имеет дочь.

этой земли, без которой существование нашей страны невозможно.

– Под словом «великая» подразумеваются размеры?

– Нет, конечно. В XVIII веке русский гений, никогда не бывавший здесь, бросает фразу о том, что могущество российское Сибирью прирастать будет, – фразу, определившую будущее этой земли. О чем думал Ломоносов? О территории? Да. Понимал: там таятся огромные богатства? Да, понимал. Трудно подумать, что он предполагал, что в 1941 году мы без Сибири не выжили бы. Но он понимал: государство будет могучим, если эта огромная часть суши будет в составе России, и надо потратить огромное количество сил, чтобы ее освоить.

– Всякий человек, даже поверхностно знакомый с отечественной историей, с ее концепциями от Ломоносова до Ключевского, увидит, что Сибирь в ней отражена очень слабо. Я преувеличиваю, но по большому счету это некая историческая пустость.

– Я бы так не сказал, такого ощущения у меня нет... Дело в том, что существует исторический процесс: наше государство зародилось на его нынешней европейской части, и, конечно, главное внимание историков обращено именно к ней, здесь сосредоточено большинство научных проблем. Что такое история Сибири? Это XVI век, Ермак, разгром Кучума в Барабинской степи, присоединение этого края к России... Потом начинаются периоды, оставившие очень мало документального материала. В XVIII веке, даже в первой половине XIX столетия мы не можем сказать, что здесь происходили значимые исторические процессы, они незаметны...

– То, что меняются наши оценки событий, происходивших сто или двести-триста лет назад, это совершенно объективная ситуация. Мы освобождаемся от каких-то мифологем

– Для историков или собственно держав?

– Держава, я думаю, их замечала. Понимаете, Ключевский и Соловьев решили немного другие задачи. А если посмотреть на то, что происходит сейчас, то я вам скажу: самая мощная археология – сибирская археология. Здесь изучено огромное количество культур, цивилизаций, и теперь совершенно понятно, что уже 4–5 тысяч лет назад эти цивилизации, существовавшие на огромной евразийской территории, были очень хорошо связаны между собой. Уж не говорю о раннем Средневековье, когда события, происходившие в центральной части России, неразрывны от тех событий, которые происходили на Дальнем Востоке.

– Это так, но – возвращаясь к началу – наш вклад в эпоху Великих географических открытий большей частью связан именно с Сибирью и совсем почти не отражен в истории...

– Здесь вы противоречите сами себе. Когда мы говорим о наших гениальных экспедициях, географических открытиях, все они связаны с Сибирью. На этой выставке представлены географические карты с XVI до XVIII века. Вся наша тогдашняя география была брошена сюда!

История Сибири

– На ваш взгляд, история Сибири может чему-либо научить Россию?

– Любая сильная история может научить. Люди, которые живут в европейской части России и никогда здесь не бывали, часто считают, что Сибирь – это некий единый большой край, начинающийся где-то за Уральским хребтом. На самом деле есть разные Сибири – есть юг, Заполярье, Центральная Сибирь. Точно так же она многообраз-

на и с точки зрения своей истории. Когда я думаю о скрепах – а от прежних идеологических, коммунистических скреп мы отказались, – то понимаю: найти их очень сложно. Но, с другой стороны, нас объединяет одна уникальная вещь – мы очень связаны между собой. Потому что вся наша история невозможна без тех движений, которые происходили в Сибири. Отсюда выходили целые народы – гунны, монголы и другие. Они приходили, уживались, варились в одном котле. Предметы, которые ты считаешь своими, национальными, находишь здесь – в орнаменте, в кухне... Русская кухня, например, ассоциируется прежде всего с пельменями, а они из Сибири. Я всегда занимался оружием, а многие его элементы тоже пришли отсюда. И все это наша единая история. Нас связывает не только тот период, когда здесь появился Ермак Тимофеевич, эта связь более давняя и более крепкая. В нашем музее был показан уникальный экспонат – платье, найденное в 1983 году в Гнездово, это поле захоронения викингов, старый Смоленск, который специалисты считают одной из первых столиц Древней Руси. Так вот, это женское платье было изготовлено в X веке в Китае. Как оно попало туда? Через сибирские дороги, культурные связи, существовавшие там. Если поставить вопрос: кто был первый россиянин? Не русский, а именно россиянин?

– И кто?

– Я вас уверяю, он был отсюда. Самый древний человек, обнаруженный во время раскопок, был найден именно в Сибири.

– Большинство работ об истории Сибири отмечают два фактора – отсутствие голода и крепостного права. На мой взгляд, именно в Сибири накапливался особый опыт отношения человека к государству. В качестве примера можно привести «красноярские шатики» конца XVII – начала XVIII века, когда город фактически не подчинялся центральной власти, отвергая присылаемых воевод, но при этом выполнял все государственные обязанности – собирал налоги, нес военную службу.

– Несомненно, такой опыт есть. Давайте так поставим вопрос: кто решится резко изменить свою жизнь и отправиться за тысячами километров, в новые земли? Как правило, это должен быть человек сильный, имеющий перед собой цель. И такие люди, первопроходцы, конечно, задают определенный генетический код.

– Вы считаете, сохранился этот код – так называемый сибирский характер?

– Обязательно сохранился, потому что он постоянно подпитывался. Когда мы работали на археологической практике в Хакасии, наш руководитель сказал: «Будьте осторожны, потому что Сибирь не только в царские времена была местом ссылки»... Но я говорю о другом, о генетике тех людей, которые

ехали сюда на великие стройки – Братская, Усть-Илимская ГЭС, БАМ, – там же ведь не только зеки работали. Ехали самые сильные.

– Нынешняя жизнь с ее нивелирующей культурной потребностью способна убить этот генетический код?

– Нет, все равно что-то сохранится. Но здесь многое зависит от самих людей, от их понимания жизни. Меня спрашивали: какую роль играет музей? Он может быть небольшим, выполнять чрезвычайно важную миссию – он привлекает человека к территории, человек начинает осознавать себя частью чего-то очень большого. У него появляется желание посмотреть вглубь своей истории, найти свои корни. Сибирь вобрала в себя очень большой человеческий заряд, ведь здесь не только русские и автохтонные народы, но и литовцы, поляки, немцы, – это мощный «котел». Поэтому и сибирская культура всегда особая.

– Есть ли необходимость в написании капитального труда по сибирской истории?

– Она всегда есть. Всегда имеет место и даже необходима переоценка событий прошлого, потому что изменяются наши знания, наши взгляды. Так появляется потребность написать что-то новое. Другой вопрос – если раньше характерной чертой наших исторических трудов было создание глобальных хронологий «от Адама до аэроплана», то сейчас специалисты больше сосредотачиваются на каких-то частных вопросах. Потом, конечно, трудно будет свести их в нечеткое единство, но так бывает в истории любой страны, потому что так происходит процесс познания, а он непрерывен.

Александр ГРИГОРЕНКО
Фото Олега КУЗЬМИНА

Ковш. Россия. 1707 год. Государственный исторический музей

Иконы из фондов ГИМа слева направо: Богоматери «Знамение» (XVIII в.), святитель Николай Мирликийский Чудотворец (XVII в.), Иоанн, митрополит Тобольский и Сибирский (начало XX в.)

СПРАВКА «НКК»

Выставка «Великая Сибирь. Веки истории» – совместный проект Государственного исторического музея (г. Москва) и музеев Красноярского края – будет работать до 26 февраля 2015 года в Красноярском художественном музее им. Сурикова по адресу: ул. Парижской Коммуны, 20.

Митра настоятеля Нестора, епископа Камчатского и Петропавловского. 1916 год. Государственный исторический музей